

Природа глупости

- *Почему это так важно?*
- *Потому что я не могу это объяснить.*

Сериял «КОЛОМБО».

Савичева Елена Петровна

- PhD, психоаналитический психотерапевт
- Сертифицированный специалист, тренинг-аналитик и супервизор ЕАРПП (Россия) и ЕСРР (Vienna, Austria)
- Член Правления и Председатель РО Москва (ЕАРПП)
- Автор программ Дополнительного образования (ЕАРПП)
- Групповой супервизор IGA
- Преподаватель Московских вузов дополнительного образования

Нам предстоит понять общую психическую природу возникновения состояния «незнания» и затем рассмотреть глупость в рабочих перспективах психоанализа: как качество отражения процесса отношений и как возможность использования в технике «инспектор Коломбо».

Среди характерных признаков профессионального выгорания часто встречается переживание себя глупым, непонимающим, что происходит, не видящим привычных связей и не различающим своей идентичности. Состояние растерянности и «тупой головы» – ведущее чувство и образ, о которых говорят в таких ситуациях.

Эти симптомы говорят о перегрузке и неспособности к «перевариванию» и ассимиляции. На лицо «истощение Эго» – процесс, ведущий к деперсонализации.

Предлагаю исследовать феномен глупости как естественное явление переживаний в ходе психоаналитического процесса. Нам предстоит понять общую психическую природу возникновения состояния «незнания» и затем рассмотреть глупость в рабочих перспективах психоанализа: как качество отражения процесса отношений и как возможность использования в технике «инспектор Коломбо».

Итак, что же происходит в нашем кабинете?

Психоаналитический процесс – это диалог с реальностью, в котором перенос и его катаклизмы необходимы для самого существования диалога.

В переносе пациент и психоаналитик наблюдают самих себя и друг друга, как наблюдают друг за другом два человека во время судьбоносной встречи. Это две души, которые приближаются все ближе друг к другу, но находятся на расстоянии и созерцают пейзаж ментального пространства не только другого, но и свой собственный: аутогетеросозерцание.

Психоаналитический диалог, сочувствие, эмпатия, антипатия, апатия – это все различные метаморфозы патетики, возникающей при встрече двух ментальных пространств.

Наша способность слушать означает предоставлять другому человеку пространство, в котором он мог бы говорить, а нам самим интроецировать его проекции.

Между нарциссизмом и способностью быть толерантным по отношению к Другому в переносе проявляются модели детства.

Например, паразитическая модель возникает из насущной потребности одной личности жить внутри ментального пространства другой личности, которая бы несла полную ответственность за лече-

ние; символическая модель проявляет себя как взаимный паразитизм. Онтологическая незащищенность требует, чтобы боль была спроецирована на ментальное пространство другого человека, которое затем используется как укрытие. Из-за неспособности заселить свое собственное ментальное пространство рождается проективная идентификация – желание захватить ментальное пространство другого человека.

Наша способность слушать означает предоставлять другому человеку пространство, в котором он мог бы говорить, а нам самим интроецировать его проекции.

И это достаточно трудная задача психоаналитика – вспомнить себя в роли пациента и помочь анализанту приобрести такой же опыт. В своей профессии аналитик использует собственный психический аппарат и свое ментальное пространство как инструмент исследования, позволяющий ему войти в контакт с противоречивыми эмоциональными переживаниями пациента и очертить Другого и альтер Эго.

М. Кляйн открыла третье измерение – стереоскопическое видение реальности сквозь призму внутренних объектов и трехмерное Я, существующее в ментальном пространстве внутреннего мира в противовес концепции двухмерного образа, спроецированного на плоский экран.

Игнацио Матте-Бланко говорит о том, что во время сна мы видим многомерный мир глазами, способными видеть лишь трехмерное пространство. Когда мы видим сны, мы становимся множественными личностями и проживаем приключения во времени и пространстве одновременно с каждым героем.

«Принять собственное ментальное пространство достаточно сложно, поскольку трудоемкая работа памяти, воспоминаний, знаний, по сути, связана с чувством скорби» (М. Кляйн).

Ментальное пространство – это не внутренний мир, это внешний мир и межличностное общение.

В случае чрезмерной (патологической) проективной идентификации фантазия Эго, распространенного на другие объекты, оставляет ощущение истощения. Самость чувствует себя пустой, слабой и неспособной противостоять тревоге, ведущей к дальнейшим проективным защитам; самость не может так интроецировать хорошие поддерживающие объекты, чтобы их ассимилировать. Вместо этого человек чувствует, что перегружен ими. Истощение – термин, описывающий, как пациент переживает процесс, ведущий к деперсонализации.

Итак, я хотела показать, насколько нагружены ментальные процессы аналитической пары, и что от аналитика требуются определенные способности мыслить «под

обстрелом»: сохранять свою психику свободно парящей и одновременно эмоционально включенной – переживающей.

Это значит, что мы немного поговорим о мышлении – это функция Эго. Основы этого мы находим в теории функций Биона. Процесс, который имеет дело с непосредственными чувственными данными и вырабатывающий из них ментальные содержания, обладающие значением и пригодные к использованию в мышлении, он назвал альфа-функцией. Эти продукты альфа-функции называются альфа-элементами. Если альфа-функция не работает, чувственные данные остаются не ассимилированными бета-элементами, которые затем исторгаются насильственным образом (проективная идентификация). Исходно альфа-функция обеспечивается в симбиотической диаде с младенцем психикой матери в состоянии мечтания (ревери): материнская психика формирует объект, способный понимать, который, будучи интроецирован младенцем, формирует основание функции мышления.

Изначально существует врожденное ожидание союза двух объектов, составляющих третий, и он есть нечто большее, чем сумма двух частей (ментальное пространство). Это так называемая врожденная преконцепция, подобная нейтральному и анатомическому ожиданию рта соска, она встречает реализацию (получает проникновение в рот со-

ска), что приводит к возникновению концепции. Концепция – это результат удовлетворяющих соединений, познаваемое как «есть грудь» (хороший объект). Однако есть и опыт отсутствия груди, такая отсутствующая грудь познается как «нет груди» (плохой объект). И сознанию нужно это пережить как мысль, а не как реальность или галлюцинацию. То есть Эго должно быть способно выдерживать переживание плохого объекта, который ему угрожает и переживание утраты хороше-

Психоаналитический процесс – это диалог с реальностью, в котором перенос и его катаклизмы необходимы для самого существования диалога.

го объекта. Если Эго к этому способно, оно может выдерживать и переживать мысли об объекте, признавая его реальное отсутствие.

Способность отличать мысль от объекта как такового или галлюцинации об объекте, является необходимым условием для мышления. Таким образом, порождение мысли неизбежно влечет за собой развитие аппарата для осмысления мыслей. И мышление определяется Бионом как способность преодолевать зазор фрустрации между моментом, когда ощущается потребность и тем, когда действие, отвечающее удовлетворению потребности, приводит к ее удовлетворению. Здесь, если все идет хорошо, чувственные впечатления преобразуются, сочетаясь с преконцепциями, в уже пригодные к использованию мысли. То, что мы назвали альфа-функцией и альфа-элементами.

Способность развивать аппарат для мышления зависит от интроекции объекта, способного понимать переживания младенца и наделять его смыслом. И тогда проективная идентификация является естественным средством коммуникации – и нам важно понимать, что токсической она становится при массивной эвакуации бета-элементов.

Нормальная проективная идентификация – это ожидаемое происшествие, которое контейнируется объектом: у матери возникают те ощущения, от которых младенец хочет избавиться. Младенец чувствует, что он умирает – у матери страх: «Вдруг он умрет!». Спокойная мать способна принять их (ПИ) и реагировать связывающим образом, и тогда младенец чувствует, что он принимает свою испуганную личность обратно, но уже в переносимой форме, и личность младенца теперь справится с этими страхами (это не смертельно). Для младенца мать представляет собой аппарат, способный вынести сочетание преконцепции с негативной реализацией «нет груди». Чтобы исполнить эту функцию душа матери должна находиться в состоянии мечтания, что приближается к свободно парящему состоянию внимания, описанному Фрейдом, а также состоянию психики, устранившей память и желание (Бион).

В неблагоприятном случае мать не может вобрать ощущения младенца, что заставляет его прибегать к всё более насильственным попыткам проекции в мать, и таким образом развивать аппарат для избавления души от плохих внутренних объектов. Младенец впитывает такой отвергающий проективную идентификацию объект, и ему суждено с ним идентифицироваться. Тогда фрустрации младенца не становятся постижимыми, но он чувствует, что у них отобрано значение. И они оказываются безымянным ужасом.

Способность отличать мысль от объекта как такового или галлюцинации об объекте, является необходимым условием для мышления.

Этот кусочек теории наглядно показывает, как может выгорать контейнирующая – мыслящая способность аналитика. Наверное, вы знаете случаи из своей практики, когда нет ощущения продвижения в анализе, пациент недоволен, упрекает в отсутствии хороших изменений.

И нам важно, опираясь на теорию Биона, понимать какие контейнирующие связи у нас образовались. То есть отношение связи между контейнирующей психикой и помещаемыми в нее содержаниями. Здесь есть очередная аналогия: мать временами любит ребенка (L- связь), временами ненавидит его (H- связь), временами пытается понять, что он переживает, чувствует и думает (K- связь). Для развития мысли (внутренний контейнер) наиболее важна K- связь.

И на этом пути и происходят в анализе разные перипетии.

Таким образом, я полагаю, вам стало очевидно, что мышление аналитика, как его контейнирующая функция, максимально задействовано в психоаналитической работе и эта функция подвержена большому напряжению.

Так что делать? Напрягать мозги? Выучить всю психоаналитическую теорию, чтобы не было проколов, непонимания, беспокойности, ощущения себя ненужным, отвергаемым, выброшенным, ненавидимым... Мы видим, что интуитивно мы хотим, как тот младенец, избежать боли от «нет груди». А ведь именно от этого зависит сам

процесс мышления. Потому что в его основе лежит способность выдерживать фрустрацию.

Поэтому нам необходимо научиться быть без памяти и желания – быть свободными от уже существующих, как внутренние контейнеры, мыслей. Нам надо быть достаточно пустыми, чтобы начать вбирать проективные идентификации (нормальные и патологические). Когда

наш контейнер не готов для такой работы, мы будем работать на установление L и H связей, это важно как поддерживающая атмосфера, но не она – цель. Если она становится нормой отношений Пары, то будет эффект убаюкивания, но не как временная мера, а как паттерн избегания понимания. Есть такое защитное функционирование как всеведение – аналитик мнит себя точно знающим, не сомневается в истинности своих мыслей, становится как бы всеведущим (такое состояние на руку и пациенту – вы гуру...). Но нет большей глупости, как думать, что знаешь все.

Итак, как же нам с вами в течение психоаналитической работы сохранять свою мыслительную функцию в хорошем состоянии? Здесь мне и нравится применять стиль «Коломбо».

Кто это?

Лейтенант Коломбо (в соответствующем сериале) – антипод классического детектива: он рассеян и несовременен, со своим одним глазом явно не тянет на красавца, курит дешевые сигары, все время ходит в одном и том же мятом плаще, ездит на разваливающемся «Пежо» и за женщинами не ухлестывает, потому как давно и беспросветно женат. Но именно он может быть третьим в трагедии: между жертвой = смертью – потерями и преступником – убийством и сокрытием деяния.

Аналитик в таком состоянии не требует от себя больше, чем может, не давит на пациента своей активностью, он очень наблюдателен и вопрошающ: «Что происходит? В чем скрытые мотивы?». Детали и мелочи приобретают поначалу легкий оттенок или абрис будущей фигуры – объекта внутреннего мира пациента, тихие звуки и молчание становятся увертюрой будущей оперы. Психоанализ за счет сеттинга постепенно разворачивает в пространстве отношений пациент-аналитик истории минувших дней на фоне современной истории.

Дедукция – один из ведущих механизмов психоанализа, ведь психика структурирована на основе табу (идеи=закон) и формах их выдерживания (защитах). И если паритет сторон желания и сдерживания нарушается, мы с вами получаем все человеческие истории – от невротических до психотических, раскрытие содержания которых и составляет суть психоанализа. Тогда мы можем нашим пациентам, сгорающим от нетерпеливого желания получить быстрее результат и избавиться от всего, что мешает, на вопрос: «Ходить к вам и говорить. Почему это так важно?», вслед за Коломбо ответить: «Потому что я не могу объяснить ваши страдания без опыта переживаний».

Дедукция – один из ведущих механизмов психоанализа, ведь психика структурирована на основе табу (идеи=закон) и формах их выдерживания (защитах).
